

ФИЛОСОФСКАЯ ГЛУБИНА

Журналистка газеты «Вести» решила взять у меня интервью. Договариваясь о встрече, она попросила меня принести фотографию. И вот тут-то начались невероятные приключения или, скорее, злоключения. Любительские снимки она забраковала сразу же, сказав: «Фотография должна отражать ваш внутренний мир, работу мысли, философскую глубину, если хотите, а ни один из этих снимков в редакции не примут». Видимо, когда меня «щелкали» на фоне субтропической растительности, мысли в моей бедной голове были «коротенькие-коротенькие, пустяковенькие-пустяковенькие», как у свежевоструганного Буратино. А потому на лице – безмятежная улыбка и налицо – полное отсутствие «философской глубины». Пришлось пойти в фотоателье.

Фотограф оказался весьма приятным молодым человеком, к тому же русскоговорящим. Узнав, что его снимок появится в газете, он очень воодушевился и даже попросил прочесть что-нибудь из моих миниатюр, чтобы лучше понять мою сущность. Ведь нужно было создать психологический портрет. Мой вклад в сокровищницу мировой литературы юноша явно переоценил. Рискну предположить, что даже когда Репин писал портрет Льва Толстого, чувство ответственности перед потомками не приводило его в такой трепет. Ведь не знал Илья Ефимович, что Лев Николаевич станет впоследствии «зеркалом русской революции». А то, что я уже сейчас являюсь зеркалом израильской абсорбции, видимо, сомнений не вызывало. Чтобы «работа мысли» отразилась на лице, нужно было думать о чем-нибудь значительном. И я решила позаимствовать мудрые мысли у великих, но кроме «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», в тот момент ничего припомнить не смогла. Эту мысль я тут же отбросила. Если бы она отразилась на лице, то фотография годилась бы только для некролога. И тут меня осенило. Ведь у меня же есть собственный афоризм: «Иудаизм есть еврейская власть минус электрификация всей страны по субботам».

Когда фотографии были готовы, я убедилась, что эта глубокая мысль придала моему лицу искомое выражение и заказала несколько экземпляров. Но вы знаете, что такое еврейское счастье? Так вот, и негативы, и фотографии куда-то запропастились. «Не переживайте, – сказала журналистка. – К вам придет наш фоторепортер». И он, действительно, пришел, очень милый, интеллигентный человек. И снова множество снимков: в профиль и анфас, с улыбкой и без, сидя и стоя, с книгой в руках и за письменным столом. При этом я должна была читать собственные стихи и отвечать на неожиданные вопросы. Но я уже не была новичком, мышцы тела и лица были мне послушны, и я могла с легкостью войти в образ философа и мыслителя. Но оказалось, что бывают ситуации, когда контролировать не только мимику, но и пантомимику просто невозможно. Так случилось, когда интервью, занимающее ни много, ни мало две газетные полосы, вышло в свет. С портрета на меня пялилась полоумная старуха со сведенными к переносице зрачками, широко разинутым ртом, огненно-рыжими волосами и оттопыренными ушами, да к тому же в «блюдечках-очках», по которым можно безошибочно идентифицировать репатриантов на первых девяти месяцах абсорбции. На второй полосе красовалась некая юная особа, но ее фотография была намеренно искажена, и эффект кривого зеркала делал эту несчастную похожей на Щелкунчика. Сначала я предположила, что мой «психологический портрет» по ошибке заменили иллюстрациями к научно-популярной статье о диагностике и лечении маниакально-депрессивного психоза. Но после проведения независимого расследования узнала: никакая это не ошибка. Просто художественный редактор решил, как говорят в Одессе, сделать читателям смешно. Хотя, по-моему, смеяться над убогими грех. А мой портрет для этого не годился, мешала «философская глубина».

Оправилась от потрясения я не сразу. Спасло чувство юмора, которое, если верить Фрейдю, является интеллектуальным мазохизмом, т. е. трансформирует отрицательные эмоции в положительные. Процесс трансформации шел поэтапно. Сначала было «мучительно больно», потом «и больно, и смешно», а под конец просто смешно. А вечером мне позвонил один радиослушатель. Он звонил мне после

нескольких передач, но впервые его голос звучал так сухо и холодно: «Ваше интервью я прочел с большим интересом, но я вас представлял себе совсем другой. К чему эти ужасные гримасы? Вы ведь писатель-сатирик, а не коверный клоун!» И даже моя подруга детства с возмущением спросила: «Зачем они поместили такой жуткий снимок? Ты там на себя не похожа. Никогда не видела у тебя такого идиотского выражения лица». Мысль о том, что это вообще не я, никому не пришла в голову.

И все же эта история пошла мне на пользу. В случае необходимости я теперь запросто могу изобразить на лице нужную степень «философской глубины».